

- [Габриэль Гарсиа Маркес](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Габриэль Гарсиа Маркес

У нас в городке воров нет

Дамасо вернулся с первыми петухами. Ана, его жена, беременная уже седьмой месяц, сидела, не раздеваясь, на постели и ждала его. Лампа начинала гаснуть. Дамасо понял, что жена ждала его всю ночь, не переставала ждать ни на миг и даже сейчас, видя перед собой, по-прежнему ждет его. Он успокаивающе кивнул ей, но она не ответила, а испуганно уставилась на узелок из красной материи, который он принес, скривила губы, стараясь не заплакать, и задрожала. В молчаливой ярости Дамасо обеими руками схватил ее за корсаж. От него пахло перегаром.

Ана позволила поднять себя, а потом всей своей тяжестью упала к нему на грудь, прильнула лицом к его ярко-красной полосатой рубашке и зарыдала. Крепко обхватив мужа, она держала его, не отпуская, до тех пор, пока, наконец, не успокоилась.

— Я сидела и заснула, — всхлипывая, заговорила она, — и вдруг вижу во сне — дверь открылась, и в комнату втолкнули тебя, окровавленного.

Дамасо молча высвободился из объятий жены и посадил ее на кровать, туда, где она сидела до его прихода, а потом бросил узелок ей на колени и вышел помочиться. Она развязала тряпку и увидела бильярдные шары — два белых и один красный, потерявшие блеск, со щербинками от ударов.

Когда Дамасо вернулся, она удивленно их рассматривала.

— Зачем они? — спросила она. Он пожал плечами:

— Чтобы играть в бильярд.

Дамасо снова завязал шары в красную тряпку и вместе с самодельной отмычкой, карманным фонариком и ножом спрятал их на дно сундука. Ана легла, не раздеваясь, лицом к стене. Дамасо снял только брюки. Вытянувшись на постели, он курил в темноте и пытался обнаружить в предрассветных звуках и шорохах хоть какие-нибудь последствия того, что он совершил; и вдруг до него дошло, что жена не спит.

— О чем ты думаешь?

— Ни о чем, — сказала она.

От злости голос его стал еще глубже обычного. Дамасо затянулся последний раз и загасил окурок о земляной пол.

— Не было ничего другого, — вздохнул он. — Зря проболтался целый час.

— Жаль, что тебя не пристрелили, — сказала Ана. Дамасо вздрогнул.

— Типун тебе на язык, — пробормотал он и, постучав по краю деревянной кровати, стал шарить рукой по полу в поисках сигарет и спичек.

— Ну и осел же ты! — сказала она. — Хоть бы подумал, что я дожидаюсь и не сплю, и каждый раз, как слышу шум на улице, мне кажется, что это несут тебя мертвого. — Она вздохнула и добавила: — И все из-за каких-то трех бильярдных шаров.

— В ящике стола было всего только двадцать пять сентаво.

— Тогда не надо было брать ничего.

— Очень уж трудно было туда влезть, — сказал Дамасо. — Не мог же я уйти с пустыми руками.

— Взял бы хоть что-нибудь другое.

— Другого ничего не было, — сказал Дамасо.

— Нигде не найдешь столько разных вещей, как в бильярдной.

— Это так кажется, — сказал Дамасо. — А когда войдешь и хорошенько оглядишься, то видишь, что там нет ничего дельного.

Ана молчала. Дамасо представил себе, как она с открытыми глазами ищет во мраке памяти какой-нибудь ценный предмет.

— Может, оно и так, — сказала она.

Дамасо закурил опять. Алкоголь покидал его, и постепенно возвращались ощущение веса и объема тела и способность распоряжаться им.

— Там, внутри, был кот, — добавил он. — Большущий белый кот.

Ана перевернулась на другой бок, прижалась раздувшимся животом к животу мужа и просунула ногу между его колен. От нее пахло луком.

— Очень страшно было?

— Кому, мне?

— А кому же? — сказала Ана. — Говорят, мужчинам тоже бывает страшно.

Он почувствовал, что она улыбается, и тоже улыбнулся.

— Немного, — ответил Дамасо. — Чуть штаны не намочил.

Он дал поцеловать себя, но сам не ответил. Потом, с полным сознанием риска, на который пошел, но без тени раскаяния, словно делясь воспоминаниями о путешествии, все ей подробно рассказал.

Она долго молчала.

— Глупость ты сделал.

— Самое главное — начать, — сказал Дамасо. — И вообще, для первого раза не так уж плохо.

Было уже за полдень, и солнце палило неимоверно. Когда Дамасо проснулся, Ана была уже на ногах. Он сунул голову в фонтан и держал ее там до тех пор, пока не проснулся окончательно. Жилище их было одним из многих в целой галерее одинаковых комнат с общим патио, рассеченным на части кусками проволоки для сушки белья. Около входа в их комнату, отгороженные от остального патио листами жести, стояли печка для стряпни и нагревания утюгов и стол для еды и глажения. Увидев, что идет муж, Ана освободила часть столика от выглаженного белья и, чтобы сварить кофе, сняла с печки утюги. Она была крупнее Дамасо, с очень светлой кожей, и двигалась мягко и точно, как двигаются люди, не испытывающие никакого страха перед жизнью.

Сквозь туман головной боли Дамасо вдруг почувствовал, что жена взглядом пытается ему что-то сказать, и обратил наконец внимание на голоса в патио.

— Все утро только об этом и говорят, — прошептала Ана, подавая ему кофе. — Мужчины уже пошли туда.

Окинув двор взглядом, Дамасо убедился, что и вправду мужчины и дети куда-то исчезли. Прихлебывая кофе, послушал, о чем говорят женщины, развешивающие белье. Потом закурил и вышел из кухни.

— Тереса, — позвал он.

Одна из девушек, в мокром платье, облепившем тело, откликнулась.

— Будь осторожен, — шепнула Ана. Девушка подошла.

— Что случилось? — спросил Дамасо.

— Залезли в бильярдную и все унесли, — сказала девушка.

Она говорила так, будто знала все до мельчайших подробностей. Рассказала, как из заведения выносили вещь за вещь и в конце концов выволокли бильярдный стол. Она рассказывала настолько убедительно, что ему стало казаться, будто именно так все и было.

— Дьявольщина! — сказал он, вернувшись к Ане.

Ана стала что-то вполголоса напевать. Дамасо, пытаясь заглушить в себе беспокойство, придвинул стул вплотную к стене. Три месяца назад, когда ему исполнилось двадцать лет, тонкие усики, за которыми он ухаживал не только со свойственной ему бессознательной склонностью к страданию, но даже с некоторой нежностью, придали немного мужественности его скованному следами оспы лицу. С тех пор он стал чувствовать себя взрослым, но этим утром, когда воспоминания прошлой ночи тонули в трясине головной боли, он не находил себе места.

Кончив гладить. Ана разделила белье на две равные стопки и собралась уходить.

— Возвращайся скорее, — сказал Дамасо.

— Как всегда.

Он последовал за ней в комнату.

— Вот клетчатая рубашка, — сказала Ана. — Во фланелевой тебе показываться теперь не стоит. — И, заглянув в его прозрачные кошачьи глаза, объяснила: — Мы не знаем — вдруг кто-нибудь тебя видел.

Дамасо вытер потные ладони о брюки.

— Никто меня не видел.

— Мы не знаем, — повторила Ана, подхватывая под ту и другую руку по стопке белья. — И лучше тебе сейчас не выходить. Сперва пойду я и покручусь там немножко. Я не покажу вида, что мне это интересно.

Ничего определенного никто в городке не знал. Ане пришлось выслушать несколько раз — — все по-разному — подробности одного и того же события. Закончив разносить белье, она, вместо того чтобы, как всегда по субботам, отправиться на рынок, пошла на площадь.

Она увидела перед бильярдной меньше народу, чем ожидала. Несколько человек стояли и разговаривали в тени миндальных деревьев. Сирийцы с цветными платками на головах обедали, и казалось, будто их лавки дремлют под своими брезентовыми навесами. В вестибюле гостиницы, развалясь в кресле-качалке, раскрыв рот и разбросав в стороны руки и ноги, спал человек. Все было парализовано полуденным зноем.

Она прошла на некотором расстоянии от бильярдной. На пустыре перед входом стояли люди. И тогда она вспомнила то, что слышала от Дамасо и что знали все, но помнили только завсегдатаи: задняя дверь бильярдной выходит на пустырь. Через минуту, прикрывая живот руками, она уже стояла в толпе и смотрела на взломанную дверь. Висячий замок остался целым, но одна из петель была вырвана. Какое-то время Ана созерцала плоды скромного труда одиночки, а потом с жалостью подумала о Дамасо.

— Кто это сделал? — спросила она, ни на кого не глядя.

— Неизвестно, — ответил чей-то голос. — Говорят, какой-то приезжий.

— Да уж конечно, — сказала женщина за ее спиной. — У нас в городке воров нет. Все друг друга знают.

Ана повернулась к ней и сказала улыбаясь:

— Правильно.

По ее телу струился пот. Рядом стоял дряхлый старик с глубокими морщинами на облысевшем затылке.

— Много унесли? — спросила она.

— Двести песо и еще бильярдные шары, — ответил старик, до странности пристально ее разглядывая. — Скоро будем спать не закрывая глаз.

Ана отвернулась.

— Правильно, — снова сказала она.

Покрыв голову платком, она пошла прочь. Ей казалось, что старик провожает ее взглядом.

В течение четверти часа люди на пустыре стояли тихо, как будто за взломанной дверью лежал покойник. А потом народ зашевелился, все повернулись, и толпа вытекла на площадь.

Хозяин бильярдной стоял в дверях вместе с алькальдом и двумя полицейскими. Он был маленький и круглый, в брюках, которые, если бы не его большой живот, наверняка бы с него свалились, и в очках, похожих на те, которые делают дети. От него исходило подавляющее всех чувство оскорбленного достоинства.

Его окружили. Ана, прислонившись к стене, стала слушать, что он рассказывает, и слушала до тех пор, пока толпа не начала редеть. Тогда с головой, отяжелевшей от жары, она отправилась домой и, миновав соседей, оживленно обсуждавших происшедшее, вошла в свою комнату.

Дамасо, провалявшийся все это время на кровати, снова и снова с удивлением думал, как это Ана, дожидаясь его прошлой ночью, могла не курить. Увидев, как она входит, улыбающаяся, и снимает с головы мокрый от пота платок, он раздавил едва начатую сигарету на земляном полу, густо усыпанном окурками, и с замиранием сердца спросил:

— Ну?

Ана опустила перед кроватью на колени.

— Так ты, оказывается, не только вор, а еще и обманщик.

— Почему?

— Ты сказал мне, что в ящике ничего не было.

Дамасо сдвинул брови.

— Да, ничего.

— Там была двести песо, — сказала Ана.

— Вранье! — Дамасо повысил голос.

Он приподнялся, сел и снова полупрошепотом продолжал:

— Всего двадцать пять сентаво.

Она поверила.

— Старый разбойник, — сказал Дамасо, сжимая кулаки. — Хочет, чтобы ему рожу разукрасили.

Ана весело рассмеялась.

— Не болтай глупостей.

Он не выдержал и тоже расхохотался. Пока он брился, жена рассказала, что ей удалось узнать.

— Полиция ищет приезжего. Говорят, он приехал в четверг, а вчера вечером видели, как он крутится у двери, — сказала она. — Говорят, его до сих пор не нашли.

Дамасо подумал о чужаке, которого никогда не видел, и на какой-то миг ему показалось, будто тот и в самом деле виновник происшедшего.

— Может, он уехал, — сказала Ана.

Как всегда, Дамасо понадобилось три часа, чтобы привести себя в порядок. Сперва тщательное подравнивание усов. Потом умывание в фонтане патио. Со страстью, которую за время, прошедшее с их первого вечера, так ничто и не могло потушить, Ана наблюдала от начала до конца всю долгую процедуру его причесывания. Когда она увидела, как он, в красной клетчатой рубашке, перед тем, как выйти из дому, смотрится в зеркало, она показалась себе постаревшей и неряшливой. Дамасо с легкостью профессионального боксера стал перед ней в боевую позицию. Она схватила его за руки.

— Деньги у тебя есть?

— Я богач, — улыбаясь, ответил он, — ведь у меня двести песо.

Ана отвернулась к стене, достала из-под корсажа скатанные в трубочку деньги и, вынув одно песо, протянула мужу:

— Возьми, Хорхе Негрете. [*популярный в Латинской Америке певец и киноактер* .]

Вечером Дамасо оказался с друзьями на площади. Люди, прибывавшие на базар из соседних деревень, устраивались на ночлег прямо среди ларьков со снедью и лотерейных столиков, и едва наступила темнота, как уже отовсюду доносился их храп. Друзей Дамасо, судя по всему, интересовало не столько ограбление бильярдной, сколько передача по радио бейсбольного чемпионата, которую они не могли слушать из-за того, что заведение было закрыто. За горячими спорами о чемпионате друзья не заметили, как они, не сговариваясь и не поинтересовавшись даже, что показывают, вошли в кино.

Шел фильм с Кантинфласом. [*популярный в Латинской Америке мексиканский комический киноактер* .]. Дамасо сидел в первом ряду балкона и весело хохотал, не испытывая никаких угрызений совести и. Он чувствовал, что выздоравливает от своих переживаний. Была прекрасная июньская ночь, и в паузы между диалогами, когда слышен был только стрекот проектора — будто моросил мелкий дождик, — над открытым

кинотеатром нависало тяжелое молчание звезд.

Вдруг изображение на экране побледнело, и из глубины партера послышался шум. Вспыхнул свет, и Дамасо показалось, будто его обнаружили и все на него смотрят. Он вскочил было, но увидел, что все словно приросли к своим местам, а полицейский, намотав на руку ремень, яростно хлещет кого-то большой медной пряжкой. Хлестал он ею огромного негра. Закричали женщины, и полицейский тоже закричал, перекрывая их голоса: — Сволочь! Сволочь!

Негр покатился между рядами, преследуемый двумя другими полицейскими, бившими его по спине. Наконец им удалось схватить его; тот, который хлестал пряжкой, своим ремнем скрутил ему руки за спиной, и все трое, толкая, погнали его к двери. Все произошло так быстро, что Дамасо понял случившееся, только когда негр прошел мимо него. Рубашка на негре была разорвана, лицо вымазано пылью, потом и кровью. Он повторял рыдая:

— Убийцы! Убийцы!

Свет погас, и снова стали показывать фильм.

Дамасо больше ни разу не засмеялся. Он курил сигарету за сигаретой и, глядя на экран, видел какие-то несвязные куски. Наконец снова загорелся свет, и зрители теперь переглядывались, словно напуганные явью.

— Вот здорово! — воскликнул кто-то с ним рядом.

— Кантинфлас хорош, — не взглянув на говорившего, сказал Дамасо.

Людской поток вынес его к двери. Торговки снедью, нагруженные своим имуществом, расходились по домам. Хотя шел двенадцатый час, на улице было много народу — дожидались зрителей, чтобы узнать от них, как поймали негра.

На этот раз Дамасо прокрался в комнату так тихо, что, когда Ана в полусне почувствовала его присутствие, он, лежа на спине, докуривал уже вторую сигарету.

— Ужин на плите, — сказала она.

— Я не хочу есть, — ответил Дамасо.

Ана вздохнула.

— Мне приснилось, будто Нора лепит из масла фигурки мальчиков, — сказала она, еще не совсем проснувшись.

И только теперь, поняв, что спала, что незаметно для себя заснула, она растерянно протерла глаза и повернулась к Дамасо.

— Приезжего поймали, — сказала она. Дамасо отозвался не сразу.

— Кто сказал?

— Поймали в кино, — начала рассказывать Ана. — Сейчас все пошли

туда.

И она рассказала до неузнаваемости искаженную версию происшедшего в кино. Поправлять ее Дамасо не стал.

— Бедняга, — вздохнула Ана.

— Что еще за бедняга? — вспыхнул Дамасо. — Ты что, хочешь, чтобы на его месте был я?

Ана хорошо знала мужа и потому ничего ему не ответила. Она слушала, как он, тяжело дыша, курит, — до тех пор, пока не запели первые петухи. Потом услышала, как он встает, и, не выходя из комнаты, принимается за какую-то непонятную работу, которую можно делать в темноте, на ощупь. Услышала, как он копает землю под кроватью (это длилось больше четверти часа), а потом — как раздевается в темноте, стараясь делать все как можно тише и даже не подозревая, что все это время она, чтобы не мешать ему, притворялась спящей. Что-то шевельнулось в потаенных глубинах ее души, и Ана догадалась теперь, что Дамасо пришел из кино, и поняла, почему он зарыл шары под кроватью.

Бильярдная открылась в понедельник, и ее сразу заполнили возбужденные завсегдатаи. На бильярдный стол был наброшен большой кусок фиолетовой ткани, что придавало заведению траурный вид. На стене висело объявление: «За отсутствием шаров бильярдная не работает». Вошедшие читали объявление с таким видом, будто это для них новость. Некоторые подолгу стояли перед ним, с удивительным упорством перечитывая его снова и снова.

Дамасо вошел одним из первых. Он провел на скамьях для болельщиков немалую часть своей жизни, и едва открылась дверь бильярдной, как он уже снова был там. Очень трудным, хотя и не очень долгим, делом было выразить сочувствие. Дамасо через стойку хлопнул хозяина по плечу и сказал:

— Вот ведь неприятность какая, дон Роке! Тот покивал, вздыхая, с горькой улыбкой.

— Что поделаешь, — сказал он и продолжал обслуживать посетителей.

Дамасо, взобравшись на один из табуретов у стойки, вперил взгляд в призрак стола под фиолетовым саваном.

— Как чудно! — сказал он.

— Это точно, — сказал человек, сидевший на соседнем табурете. — Да еще на страстной неделе!

Когда почти все посетители разошлись по домам обедать, Дамасо сунул монетку в щель музыкального автомата и выбрал мексиканскую

балладу, место которой на табло он помнил. Дон Роке в это время переносил стулья и столики в глубину заведения.

— Зачем это вы? — спросил Дамасо.

— Хочу положить карты. Надо же что-то делать, пока не пришлют шары.

Двигаясь неуверенно, как слепой, со стулом в каждой руке, он был похож на недавно овдовевшего.

— А когда их пришлют? — спросил Дамасо.

— Надеюсь, пройдет не больше месяца.

— К тому времени старые найдутся, — сказал Дамасо. Дон Роке окинул удовлетворенным взглядом выстроившиеся в ряд столики.

— Не найдутся, — сказал он, вытирая рукавом лоб. — Негра не кормят уже с субботы, а он все равно не говорит, где они.

Он посмотрел на Дамасо сквозь запотевшие стекла.

— Наверняка он бросил их в реку. Дамасо закусил губу.

— А двести песо?

— Их тоже нет, — ответил дон Роке. — У него нашли только тридцать.

Они посмотрели в глаза друг другу. Дамасо не сумел бы объяснить, почему взгляд, которым они обменялись, показался ему взглядом двух соучастников. К концу дня Ана увидела из прачечной, как он возвращается домой; по-боксерски подскакивая, он наносил удары невидимому противнику. Она вошла за ним в комнату.

— Все в порядке, — сказал Дамасо. — Старик поставил на шарах крест и заказал новые. Будем надеяться только, что он их не дождетя.

— Ас негром как?

— Ничего страшного, — ответил Дамасо, пожав плечами. — Если шаров у него не найдут, им придется его выпустить.

После ужина Ана и Дамасо сели на улице у входной двери и разговаривали с соседями до тех пор, пока не замолчал динамик кино и не наступила тишина. Когда ложились спать, настроение у Дамасо было приподнятое.

— Я придумал самое выгодное дело на свете, — сказал он. Ана поняла, что мысль, которой Дамасо хочет с ней поделиться, он вынашивал весь вечер.

— Пойду по городкам, украду шары в одном, продам в другом. Везде есть бильярдные.

— Доходишься, что тебя пристрелят.

— Выдумала; пристрелят, — сказал он. — Это только в кино бывает.

Он стоял посреди комнаты, переполненный радостными планами. Ана

начала раздеваться, внешне безразличная, на самом же деле слушая с сочувствием.

— Накуплю вот столько костюмов, — и Дамасо показал рукой размеры воображаемого шкафа — от стены до стены. — Отсюда досюда. И еще куплю пятьдесят пар обуви.

— Помогай тебе бог, — сказала она. Дамасо посмотрел на нее с неприязнью.

— Не интересуют тебя мои дела.

— Слишком они для меня умные, — сказала Ана.

Она погасила лампу, легла к стене и с горечью продолжала:

— Когда тебе будет тридцать, мне будет сорок семь.

— Дуреха, — сказал Дамасо.

Он ощупал карманы в поисках спичек.

— Тебе тоже не надо будет тогда стирать белье, — добавил он не совсем уверенно.

Ана протянула ему горящую спичку. Она смотрела на пламя, пока оно не погасло, а потом отбросила обуглившуюся спичку в сторону. Дамасо вытянулся в постели и снова заговорил:

— Знаешь, из чего делают бильярдные шары?

Ана не ответила.

— Из слоновьих бивней, — продолжал он. — Поэтому их очень трудно раздобыть, и нужен, по крайней мере, месяц, чтобы их сюда доставили. Понятно?

— Спи, — прервала его Ана. — Мне в пять вставать.

Дамасо вернулся в свое естественное состояние. Первую половину дня он проводил, покуривая в постели, а после сиесты, готовясь к выходу на улицу, начинал приводить себя в порядок. Вечерами он слушал в бильярдной радиопередачи чемпионата по бейсболу. У него была похвальная способность забывать свои идеи с таким же энтузиазмом, с каким он их рождал.

— У тебя есть деньги? — спросил он в субботу у Аны.

— Одиннадцать песо. — И она добавила мягко: — Это плата домохозяйину.

— Я хочу тебе кое-что предложить.

— Что?

— Одолжи их мне.

— Надо платить хозяину.

— Потом заплатишь.

Она отрицательно покачала головой. Схватив ее за руку, Дамасо не дал

ей подняться из-за стола, за которым они только что завтракали.

— Всего на несколько дней, — сказал он, ласково и в то же время рассеянно поглаживая ее руку. — Когда продам шары, будут деньги на все.

Ана не согласилась.

Этим вечером в кино, даже разговаривая в перерыве с друзьями, Дамасо не снимал руки с ее плеча. Картину смотрели невнимательно. Под конец Дамасо стал проявлять нетерпение.

— Тогда я просто отберу их, — сказал он.

Она пожала плечами.

— Или придушу первого встречного, — пригрозил Дамасо, проталкивая ее к выходящей из кино толпе. — Меня посадят за убийство.

Ана улыбнулась про себя, но осталась такой же непреклонной.

Они ссорились всю ночь, а утром Дамасо с демонстративной и угрожающей спешкой оделся и, проходя мимо Аны, буркнул:

— Не жди, больше не вернусь.

Ана не смогла подавить легкую дрожь.

— Счастливого пути! — крикнула она вслед.

Дамасо захлопнул за собой дверь, и для него началось бесконечно пустое воскресенье. Кричащая пестрота рынка и яркая одежда женщин, выходящих с детьми из церкви после восьмичасовой мессы, оживляли площадь веселыми красками, но воздух уже густел от жары.

Он провел день в бильярдной. Утром несколько мужчин играли там в карты, ближе к обеду народу ненадолго прибавилось, но было ясно, что свою прежнюю привлекательность заведение утратило. Только вечером, когда началась передача бейсбольного чемпионата, заведение наполнилось жизнью, хоть в какой-то мере напоминавшей былую.

После закрытия бильярдной оказалось, что Дамасо бредет без цели и направления по какой-то площади, которая словно истекала кровью. Он пошел по улице, параллельной набережной, на звуки веселой музыки, доносившиеся с друг ого ее конца. Дамасо увидел огромный и пустой танцевальный зал, украшенный только гирляндами выгоревших бумажных цветов, а в глубине его, на деревянной эстраде, небольшой оркестр. Воздух был напоен удушающим запахом помады.

Он сел у стойки. Когда музыкальная пьеса кончилась, юноша, игравший в оркестре на тарелках, обошел танцевавших мужчин и собрал деньги. Какая-то девушка оставила своего партнера и подошла к Дамасо.

— Как дела, Хорхе Негрете?

Дамасо усадил ее рядом. Буфетчик, напудренный и с цветком гвоздики за ухом, спросил фальцетом:

— Что будете пить? Девушка повернулась к Дамасо:

— Что мы будем пить?

— Ничего.

— За мой счет.

— Дело не в деньгах, — сказал Дамасо. — Я хочу есть.

— Какая жалость! — сказал буфетчик. — С такими глазами!

Они прошли в столовую в глубине зала. Судя по фигуре, девушка была совсем юной, но слой румян и пудры и блеск накрашенных губ скрывали ее настоящий возраст. Кончив есть, Дамасо пошел с ней в ее комнату в глубине темного патио, где слышалось дыхание спящих животных. На кровати лежал грудной ребенок, завернутый в цветное тряпье. Девушка перенесла тряпье в деревянный ящик, туда же положила ребенка и поставила ящик на пол.

— Его могут съесть мыши, — сказал Дамасо.

— Они детей не едят, — сказала она.

Она сменила красное платье на другое, более открытое, с крупными желтыми цветами.

— Кто папа? — спросил Дамасо.

— Понятия не имею, — сказала она. И, подойдя к двери, добавила: — Сейчас вернусь.

Он услышал, как она повернула ключ в замке, Дамасо повесил одежду на стул, лег и выкурил одну за другой несколько сигарет. Постельное белье вибрировало в такт мамбе. Дамасо не заметил, как заснул. Когда он проснулся, музыки не было, и от этого комната показалась ему еще больше. Девушка раздевалась около кровати.

— Сколько сейчас?

— Около четырех. Ребенок не плакал?

— Вроде бы нет, — ответил Дамасо.

Девушка легла рядом и, разглядывая его слегка блуждающими глазами, начала расстегивать ему рубашку. Дамасо понял, что она изрядно выпила. Он хотел было погасить лампу.

— Оставь, — сказала она. — Мне так нравится смотреть в твои глаза.

С рассветом комнату наполнили звуки утра. Ребенок заплакал. Девушка взяла его в постель, дала ему грудь и запела, не открывая рта, песенку из трех нот. Наконец они все уснули. Дамасо не слышал, как около семи девушка проснулась и вышла из комнаты; вернулась она уже без ребенка.

— Все идут на набережную, — сказала она. Дамасо чувствовал себя так, будто проспал всего час.

— Зачем?

— Посмотреть на негра, который украл шары, — ответила она. — Его сегодня отправляют.

Дамасо закурил.

— Бедняг а, — вздохнула девушка.

— Что еще за бедняга? — взорвался Дамасо. — Никто не заставлял его быть сволочью.

Девушка задумалась, опустив голову на грудь, а потом сказала, понизив голос:

— Это сделал не он.

— Кто сказал?

— Я точно знаю. В ночь, когда забрались в бильярдную, негр был у Глории и провел у нее весь следующий день до самого вечера. А потом пришли из кино и рассказали, что его арестовали там.

— Глория может сказать об этом полиции.

— Негр уже сказал. Алькальд пришел к Глории, перевернул у неё в комнате все вверх дном и пригрозил, что посадит ее как соучастницу. В конце концов все уладилось за двадцать песо.

Дамасо встал около восьми.

— Оставайся, — сказала девушка, — зарежу на обед курицу. Дамасо стряхнул волосы с расчески, которую держал в руке, и сунул ее в задний карман брюк.

— Не могу, — сказал он.

Взяв девушку за руки, он привлек ее к себе. Она уже умылась и оказалась действительно очень юной, с огромными черными глазами, придававшими ей какой-то беззащитный вид. Она обняла его и повторила:

— Остайся.

— Навсегда?

Слегка покраснев, она отпустила его.

— Обманщик.

Ана в это утро чувствовала себя усталой, однако общее волнение передалось и ей. Скорей обычного собрав у своих клиентов белье для стирки, она пошла на набережную посмотреть, как будут отправлять негра. У причалов, перед судами, готовыми к отплытию, гудела нетерпеливая толпа. Тут же был и Дамасо.

Ана ткнула его указательным пальцем в поясницу.

— Что ты здесь делаешь? — подпрыгнув от неожиданности, спросил Дамасо.

— Пришла с тобой попрощаться.

Дамасо постучал по деревянному фонарному столу.

— Типун тебе на язык, — сказал он.

Закурив, он бросил пустой коробок в реку. Ана достала из-за корсажа другой и положила в карман его рубашки. Дамасо не выдержал и улыбнулся.

— Вот дура, — сказал он.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась Ана.

Вскоре появился негр. Его провели посередине площади — руки были связаны за спиной веревкой, конец которой держал полицейский. По бокам шли двое полицейских с винтовками. Он был без рубашки, нижняя губа у него была рассечена, а бровь распухла, как у боксера. Взглядов толпы он избегал с достоинством жертвы. У дверей бильярдной, где, чтобы наблюдать обе главные фигуры спектакля, собралось больше всего зрителей, молча стоял и смотрел на него, укоризненно покачивая головой, хозяин заведения. Люди пожирали негра глазами.

Баркас поднял якорь. Негра повели по палубе к цистерне с нефтью и привязали к ней за руки и за ноги. Когда на середине реки баркас развернулся и дал последний гудок, спина негра ярко блеснула.

— Бедняга, — прошептала Ана.

— Преступники, — сказал кто-то рядом с ней. — Разве может человек вынести такое солнце?

Дамасо увидел, что голос, сказавший это, принадлежит какой-то страшно толстой женщине. Он начал пробиваться через толпу к площади.

— Много болтаешь, — прошипел он на ухо Ане. — Ты бы еще заорала на всю площадь.

Она проводила его до бильярдной.

— Хоть бы переделся, — сказала она, прежде чем уйти. А то прямо, как нищий.

Новость собрала в заведении шумную толпу посетителе!! Стараясь обслужить всех, дон Роке подавал на несколько столиков одновременно. Дамасо ждал, чтобы он прошел около него.

— Хотите, вам помогу?

Дон Роке поставил перед ним полдюжину бутылок пива с надетыми на горлышко стаканами.

— Спасибо, сынок.

Дамасо разнес бутылки по столикам, принял заказ и продолжал приносить и уносить бутылки до тех пор, пока посетители не разошлись по домам обедать. Когда на рассвете он вернулся к себе в комнату, Ана поняла, что Дамасо пьян. Она взяла его руку и приложила к своему животу.

— Пощупай, — сказала она. — Слышишь?

Дамасо не обнаружил никакого энтузиазма.

— Шевелится, — продолжала она. — Целую ночь бил ножками.

Но он не выразил никакого интереса. Занятый своими мыслями, Дамасо ушел -;а другой день очень рано и вернулся только после полуночи. Так прошла неделя. В те редкие минуты, которые он, лежа на постели и покуривая, проводил дома, он избегал разговоров. Ана стала вдвое внимательней к нему. В начале их совместной жизни был случай, когда он вел себя так, а она не знала его характера и надоедала ему. И тогда, сев на нее в постели верхом, он избил ее в кровь.

Теперь она не проявляла нетерпения. Еще с вечера клала у лампы пачку сигарет — знала, что ему легче вынести голод и жажду, чем отсутствие курева. И вот, как-то во второй половине июля, Дамасо пришел домой вечером. Ана подумала, что он, должно быть, уже успел здорово перебраться, раз вернулся так рано, и встревожилась. Поели молча, но, когда ложились спать, у Дамасо, какого-то отупевшего и потерянного, вырвалось вдруг.

— Уехать хочу.

— Куда?

— Куда-нибудь.

Ана обвела комнату взглядом. Журнальные обложки, которые она сама отрезала и наклеивала, пока не заклеила все стены цветными фотографиями киноактеров, выщвели и порвались. Она потеряла счет мужчинам, которые, глядя с ее кровати на эти фотографии, постепенно поглощали их цвет и уносили его с собой.

— Тебе со мной скучно, — сказала Ана.

— Дело не в этом, — сказал Дамасо, — а в городке.

— Наш городок такой же, как все другие.

— Невозможно продать шары.

— Забудь ты о них, — сказала Ана. — Пока бог дает мне силы стирать, тебе не нужно заниматься всякими темными делами. — И, помолчав, добавила осторожно: — Не могу понять, как тебе пришло в голову это сделать.

Дамасо докурил сигарету и ответил:

— Так легко было, что я понять не могу, почему никто другой не додумался.

— В смысле денег — да, — согласилась Ана. — Но чтобы прихватить шары — другого такого дурака не нашлось бы.

— Просто я не сообразил, — сказал Дамасо. — Мне это пришло в

голову, когда я увидел их в коробке за стойкой и подумал: так трудился, а уйти придется с пустыми руками.

— Несчастливая твоя звезда, — сказала Ана. Дамасо ощутил облегчение.

— А новых не шлют, — сказал он. — Сообщили, что они вздорожали, и дон Роке говорит, что теперь ему невыгодно.

Он закурил новую сигарету и, рассказывая, почувствовал, как сердце его очищается от чего-то темного.

Дамасо рассказал, что хозяин заведения решил продать бильярдный стол. Этот стол теперь ничего не стоит. Сукно на нем из-за неумелой игры начинающих сплошь в дырах и разноцветных заплатах, и надо заменять его новым. А пока для любителей, состарившихся вокруг бильярда, единственным развлечением остаются передачи чемпионата по бейсболу.

— Вышло так, — закончил Дамасо, — что мы хоть и не хотели, а подложили всем свинью.

— И никакой пользы не имеем, — добавила Ана.

— А на следующей неделе и чемпионат кончится, — сказал Дамасо:

— Не это самое плохое, — сказала Ана.— Самое плохое во всей этой истории — негр.

Она лежала, положив голову к нему на плечо, как в былые времена, и чувствовала, о чем он думает. Подождала, пока он докурит сигарету, а потом сказала боязливо:

— Дамасо.

— Что тебе?

— Верни их.

Он закурил новую сигарету.

— Я уже сам об этом несколько дней думаю, — сказал он. — Только не знаю, как это сделать.

Они сговорились было оставить шары в каком-нибудь людном месте, но потом Ана подумала, что, разрешив проблему бильярдной, это не разрешит проблемы негра. Полиция может по-разному объяснить появление шаров, не снимая с негра вины. Может случиться и другое: шары попадут в руки человека, который не вернет их, а оставит себе, надеясь потом продать.

— Уж если взялся что-то сделать, надо доделывать до конца, — закончила она.

Они выкопали шары. Ана завернула их в газету так, чтобы сверток не обнаруживал их формы, и положила в сундук.

— Теперьждемся подходящего случая, — сказала она. Но прошло

две недели, а случай все не подвертывался.

Поздно вечером двадцатого августа, ровно через два месяца после кражи, Дамасо, придя в бильярдную, увидел дон Рокке за стойкой; пальмовым веером он отгонял насекомых. Радио молчало, и это еще сильнее подчеркивало его одиночество.

— Ну что, правильно я тебе говорил? — воскликнул дон Рокке, словно радуясь, что его предсказание сбылось. — Все пошло к черту!

Дамасо опустил монету в музыкальный автомат. Мощный звук и разноцветные мелькающие огни во всеуслышание, как ему показалось, подтверждали его преданность бильярдной. Однако до дон Рокке, похоже, это не дошло. Дамасо сел рядом с ним и попытался его утешить сбивчивыми, малоубедительными аргументами. Дон Рокке слушал с безразличным видом, лениво обмахиваясь веером.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Чемпионат по бейсболу не мог длиться вечно.

— Но шары могут найтись.

— Не найдутся.

— Не мог же негр съесть их.

— Полиция искала повсюду, — с раздражающей уверенностью сказал дон Рокке. — Он бросил их в реку.

— А вдруг случится чудо и шары найдутся?

— Брось фантазировать, сынок, — ответил дон Рокке. — Дело гиблое. Ты что, веришь в чудеса?

— Иногда.

Когда Дамасо покинул заведение, из кино еще не выходили. Чудовищно гулкие фразы то смолкали, то снова разносились над спящим городком, и немногие двери, еще остававшиеся открытыми, казалось, вот-вот закроются. Побродив немного вокруг кино, Дамасо направился к танцевальному залу.

В зале был только один посетитель, оркестр играл специально для него, и он танцевал с двумя женщинами сразу. Остальные женщины чинно сидели вдоль стен, словно дожидаясь какого-то известия. Дамасо занял столик, махнул буфетчику, чтобы тот подал пива. Он стал пить прямо из бутылки, отрываясь только чтобы перевести дыхание, и наблюдал через стекло за мужчиной, танцующим с двумя женщинами. Обе они были выше мужчины.

В полночь появились женщины, которые были в кино, а за ними не отстававшие от них мужчины. Среди женщин оказалась и подруга Дамасо. Она села к нему за столик.

Дамасо даже не посмотрел на нее. Он выпил уже полдюжины пива и по-прежнему не отрывал взгляда от танцора. Тот танцевал теперь уже с тремя женщинами, но не обращал на них никакого внимания, а был поглощен только тем, что выделявали его ноги. Он казался счастливым, и было видно, что он был бы еще счастливее, если бы, кроме рук и ног, у него был также и хвост.

— Этот тип мне не нравится, — сказал Дамасо.

— Тогда не смотри на него, — посоветовала девушка.

Она попросила у буфетчика немного выпить. Площадка заполнялась танцующими парами, но мужчина с тремя женщинами по-прежнему чувствовал себя так, будто он один в зале. Во время какого-то па его взгляд встретился со взглядом Дамасо; мужчина заработал ногами еще бойчее и, улыбнувшись, показал ему свои мелкие заячьи зубы. Дамасо, не мигая, выдержал его взгляд, и в конце концов тот перестал улыбаться и отвернулся от него.

— Считает себя весельчаком, — сказал Дамасо.

— Он и вправду весельчак, — сказала девушка. — Всегда, когда приезжает, заказывает музыку за свой счет, как все коммивояжеры.

Дамасо посмотрел на нее блуждающим взглядом.

— Тогда иди к нему, — сказал он. — Где кормятся трое, хватит и для четвертой.

Она ничего не ответила, а только повернула голову в сторону площадки для танцев, отхлебывая маленькими глотками спиртное. Бледность желтого платья подчеркивала ее нерешительность.

Они пошли танцевать. Дамасо все мрачнел и мрачнел.

— Я умираю от голода, — сказала девушка и, схватив его за локоть, потащила за собой к стойке. — Тебе тоже надо поесть.

Весельчак шел со своими тремя женщинами им навстречу.

— Послушайте, — сказал Дамасо.

Мужчина улыбнулся, но не замедлил шага. Дамасо стряхнул с себя руки спутницы и преградил ему дорогу.

— Мне не нравятся ваши зубы.

Мужчина побледнел, но продолжал улыбаться.

— Мне тоже, — сказал он.

Прежде чем девушка успела остановить Дамасо, он двинул мужчину кулаком в лицо, и тот так и сел на середине площадки. Никто из посетителей не вмешался. Три женщины с визгом обхватили Дамасо, пытаясь оттащить его в сторону, а его спутница тем временем стала заталкивать его в глубину зала. Мужчина с разбитым, почти вмятым лицом

встал на ноги, подпрыгнул, как обезьяна, на середине площадки и крикнул:

— Играйте!

К двум часам ночи заведение почти опустело, и женщины без клиентов сели ужинать. Было жарко. Девушка принесла тарелку риса с фасолью и жареным мясом и, усевшись за столик, стала есть все это одной ложкой. Дамасо бессмысленно глядел на нее. Она протянула ему ложку риса.

— Открой рот.

Дамасо уткнулся подбородком в грудь и качнул головой.

— Это для женщин, — сказал он. — Мы, мужчины, не едим.

Чтобы встать, ему пришлось упереться руками в стол. Когда он смог наконец обрести равновесие, то увидел, что перед ним стоит, скрестив руки, буфетчик.

— Девять восемьдесят, — сказал тот. — Этот монастырь государственный.

Дамасо отстранил его.

— Педерастов не люблю, — сказал он.

Буфетчик схватил было его за руку, но, взглянув на девушку, отпустил и только сказал вслед:

— Потом поймешь, как много ты потерял.

Дамасо вышел пошатываясь. Таинственный серебристый блеск реки под луной прорезал было в его мозгу светлую щель, но она тут же исчезла. Когда, уже на другом конце городка, Дамасо увидел дверь своей комнаты, он готов был поспорить, что всю дорогу домой прошел во сне. Он потряс головой. Смутное, но сильное чувство подсказало ему, что, начиная с этой секунды, он должен следить за каждым своим движением. Тихонько, чтобы не было скрипа, он толкнул дверь.

Ана проснулась и услышала, что он роется в сундуке. Она повернулась от света карманного фонарика лицом к стене и вдруг поняла, что Дамасо не раздевался. Внезапное озарение словно подбросило ее, и она села в постели. Дамасо со свертком и карманным фонариком стоял около открытого сундука. Он приложил палец к губам. Ана соскочила с постели.

— Ты с ума сошел, — прошептала она и, подбежав к двери, быстро закрыла ее на засов.

Дамасо сунул фонарик вместе с ножом и остроконечным напильником в карман брюк и со свертком под мышкой двинулся прямо на нее. Ана закрыла дверь спиной.

— Пока я жива, ты отсюда не выйдешь, — вполголоса сказала она.

Дамасо попытался оттолкнуть ее.

— Уйди, — прохрипел он.

Ана вцепилась в косяк обеими руками. Они, не мигая, глядели друг другу в глаза.

— Ты осел, — прошептала Ана. — Бог тебя наградил красивыми глазами, но обделил мозгами.

Дамасо схватил ее за волосы, вывернул руку и заставил нагнуться, процедив сквозь зубы:

— Сказал, уйди!

Ана посмотрел на небо сбоку глазом, вывороченным, как у быка под ярмом. На миг ей показалось, что она может вытерпеть любую боль и что она сильнее мужа, но он выворачивал ей руку все дальше и дальше. Наконец она не выдержала, и к ее горлу подступили слезы.

— Ребенка убьешь, — сказала она.

Дамасо схватил ее и перенес на кровать. Едва почувствовав себя свободной, она прыгнула ему на спину, и, сцепившись, они...свалились на постель. Оба задыхались.

— Сейчас закричу, — шепнула Ана ему в ухо. — Пошевелись только, начну кричать.

Дамасо захрапел в глухой ярости и стал бить ее по коленям свертком с шарами. Громко застонав, Ана разжала ноги, но тут же, чтобы не пустить его к двери, крепко обхватила руками и принялась уговаривать.

— Честное слово, сама отнесу их завтра, — говорила Ана. — Беременную меня все равно не посадят.

Дамасо вырвался.

— Тебя все увидят, — сказала Ана. — Сегодня светло, полная луна — ты, дурак, даже этого понять не можешь.

Она попыталась снова удержать его, не дать ему вынуть засов из двери, а потом, зажмурив глаза, замолотила по его лицу и шее кулаками, почти крича:

— Зверь, зверь!

Дамасо попытался защититься, и тогда она, ухватившись за деревянный засов, большой и тяжелый, вырвала его из рук Дамасо и замахнулась, целясь ему в голову. Дамасо увернулся, и удар пришелся по его плечу; кость зазвенела, как стекло.

— Шлюха! — взвыл он.

Он уже не думал о том, что не надо поднимать шума. Он ударил Ану наотмашь кулаком по уху и услышал глубокий стон и тяжелый удар тела о стену, но даже не взглянул на нее и вышел из комнаты. Дверь осталась открытой.

Оглушенная болью, Ана лежала на полу и ждала: вот-вот что-то

случится у нее в животе. Из-за стены ее окликнули глухим, замогильным голосом. Она закусила губу, чтобы не разрыдаться. Потом поднялась на ноги и оделась. Ей не пришло в голову, как не пришло в голову и в тот раз, когда он уходил за шарами, что Дамасо еще ждет за дверью, понимая, что план его никуда не годится, и надеясь, что она закричит или побежит за ним, чтобы его удержать. Ана повторила ту же свою ошибку: вместо того чтобы броситься догонять мужа, она обулась, закрыла дверь и села на кровать ждать его.

Только тогда, когда дверь закрылась, Дамасо понял, что путь к отступлению отрезан. До конца улицы его провожал лай собак, но потом наступило какое-то призрачное молчание. Он шел по мостовой, стараясь уйти от звука собственных шагов, казавшихся такими чужими и громкими в тишине спящего городка. Пока он не очутился на пустыре перед ветхой дверью бильярдной, никаких мер предосторожности он не принимал.

Зажигать фонарик на этот раз не понадобилось. Укреплена была только сама дверь, в том месте, откуда он вырвал тогда петлю. Остальное все было прежним. Отведя замок в сторону, Дамасо подсунул правой рукой заостренный конец напильника под другую петлю и задвигал им взад-вперед с силой, но без ожесточения; и вот, наконец, брызнул жалостный фонтан гнилых древесных крошек, и дерево поддалось.

Прежде чем толкнуть осевшую дверь, он, чтобы она не задевала за кирпичи пола, приподнял ее. Приоткрыв ее сначала совсем немного, он снял ботинки и сунул их вместе со свертком внутрь, а потом вошел, крестясь, в залитое лунным светом помещение.

Сперва он миновал темный проход, загроможденный пустыми бутылками и ящиками. Дальше, в снопе лунного света из застекленного слухового окна, стоял бильярдный стол, за ним — шкафы, повернутые к Дамасо задней стенкой, и в конце, с внутренней стороны главного входа — баррикада из стульев и столиков. Все было так же, как в первый раз, если не считать полного молчания и снопа света. Дамасо, которому до этой минуты приходилось усилием воли преодолевать напряжение, завладели какие-то странные чары.

Теперь он уже не обращал внимания на выступающие кирпичи пола. Прижав дверь ботинками, он пересек лунную дорожку и включил фонарик, чтобы отыскать за стойкой коробку для шаров. Он действовал без предосторожностей. Двигая луч фонаря слева направо, увидел груды покрытых пылью бутылок, пару стремян со шпорами, скатанную рубашку, испачканную машинным маслом, и, наконец, коробку для шаров — на том же месте, где оставил ее в прошлый раз. Но потом свет его фонарика

передвинулся дальше, и тут Дамасо увидел кота.

Животное без всякого интереса смотрело на него сквозь свет от фонаря. Дамасо все светил на него, как вдруг с легкой дрожью вспомнил, что никогда не видел кота в бильярдной днем. Он приблизил к нему руку с фонариком и сказал «Брысь!», однако кот не обратил на это никакого внимания. Но тут в голове у Дамасо произошел беззвучный взрыв, и кот навсегда исчез из его памяти. Когда Дамасо понял, что случилось, фонарик уже выпал у него из рук, а сам он стоял и крепко прижимал к груди сверток с шарами. Бильярдная была залита светом.

— Эй!

Он узнал голос дон Рокке и, ощущая страшную усталость в спине, медленно выпрямился. Дон Рокке, в одних трусах и с железной палкой в руке, очумелый от света, приближался к нему из глубины заведения. За бутылками и пустыми ящиками, мимо которых Дамасо прошел вначале, висел гамак. Гамака тоже не было в первый раз.

Когда расстояние между ними сократилось до десяти метров, дон Рокке подпрыгнул и приготовился к защите. Дамасо спрятал руку со свертком за спину. Дон Рокке сощурился и вытянул голову, силясь разглядеть его без очков своими близорукими глазами.

— Так это ты, парень! — изумленно воскликнул он.

Дамасо показалось, будто пришел конец чему-то длившемуся бесконечно. Дон Рокке опустил железную палку и подошел к нему с разинутым от удивления ртом. Без очков и вставных челюстей его можно было принять за женщину.

— Что ты здесь делаешь?

— Ничего, — сказал Дамасо, незаметно меняя позу.

— Что это у тебя? — спросил дон Рокке.

Дамасо отступил назад.

— Ничего, — повторил он.

Дон Рокке покраснел и начал дрожать.

— Что это у тебя? — крикнул он, замахиваясь палкой и делая шаг вперед.

Дамасо протянул ему сверток. Дон Рокке, по-прежнему настороже, взял сверток левой рукой и ощупал его пальцами. И только теперь он понял.

— Не может быть, — сказал он.

Он был так ошеломлен, что положил железную палку на стойку и, разворачивая бумагу, казалось, совсем забыл о Дамасо. В глубоком молчании он стал разглядывать шары.

— Я давно собирался их положить, — сказал Дамасо.

— Не сомневаюсь, — отозвался дон Роке.

Дамасо побледнел как смерть. Алкоголь улетучился, остались только привкус земли во рту и смутное ощущение одиночества.

— Так вот оно, чудо, — сказал дон Роке, снова заворачивая шары. — Не могу поверить, что ты такой дурак.

Когда он поднял голову, выражение его лица было уже совсем другим.

— А двести песо?

— В ящике ничего не было, — сказал Дамасо.

Дон Роке задумчиво посмотрел на него, жуя губами, и расплылся в улыбке.

— Ничего не было, — повторил он несколько раз. — Ничего, значит, не было. — И, снова схватив железную палку, добавил. — Это ты расскажешь сейчас алькальду.

Дамасо вытер потные ладони о брюки.

— Вы же знаете, что там ничего не было.

Дон Роке все так же улыбался.

— Там было двести песо, — сказал он. — И сейчас их выбьют из твоей шкуры не столько за то, что ты сволочь, сколько за то, что ты дурак.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)